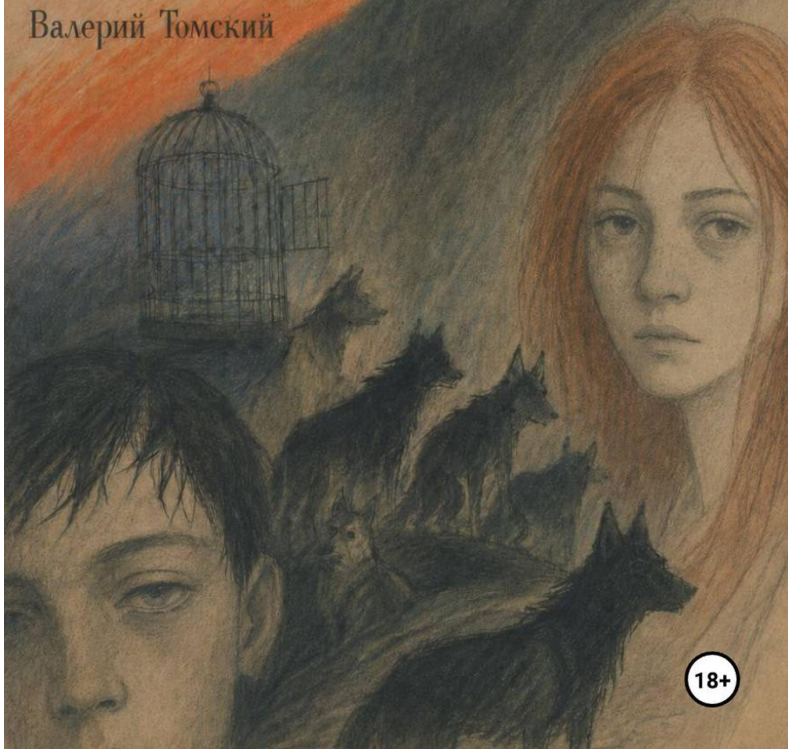

Сундук со Сказками

Валерий Томский

18+

Валерий Томский

Сундук со сказками

<https://litres.ru/74119419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четверо подростков закладывают жизни и проводят последние дни в размышлениях о духовной слепоте.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Валерий Томский

Сундук со сказками

Глава

Год точно не помню, в то время с одной компанией я проводил вечера. Тихие, безлунные в маленьком городе на границе дни протекли незаметно, оставили нерешенные вопросы и жизни бывших друзей которых я никогда больше не встречал. Фонари в центре отключили. Фасады зданий выглядывали из полумрака. А вокруг ни души, может редко проезжали угловатые семерки с тонированными окнами и фарами, нацеленными в оранжевую пыль. Вывеска быстро догорала последние часы и следующим днем ее сняли.

Круглощекая, курносая девчонка Соня с простыми волосами. Ее мать давно разошлась с мужем и с тех пор не переставала водить мужиков, чутко ища того, кто ее вместе с детьми приголубит либо, как Соня считала, чтобы лишний раз не сидеть с братиком, чью коляску ночные визитеры окидывали брезгливо-сочувствующим взором и шли за матерью в комнату; впрочем, Соня жила на втором этаже и тоже могла делать что соизволит.

Напротив скамейки облезлой, наивно предупреждающей тэгами с высокооплачиваемой работой наматывал круги Ви-

тя. Витя много курил, совсем не пил, заканчивал колледж с красным дипломом и музыкалку, читал, бегал по утрам, учил языки, говорил о кино, готовился поступать, Витя как жук навозник скатал себе занятный зловонный шарик и вот, стоя передо мной, представлялся с этой каменюкой на горбу. Будучи новеньким, он успел сложить о себе впечатление: он ничего не умел и не хотел по-настоящему, всегда при-творялся, а когда пространство вокруг горячело он лопался и метался, как кукуруза на раскаленной сковородке. Всегда присутствовало желание приложить его, но какая-то тайна, азарт продолжать общаться с ним и со временем вскрыть этот шкаф, перебирать чужие жемчуга и шелковые платья своими руками доставляла.

В этом районе, если идти по следам прохожих, рано или поздно добредешь до ларечка с крестом на противоположном берегу улицы, народ стягивался к зеленому оку из сотен фасетов, купаясь в зелени аптечной эмблемы. На последнем автобусе приехал человек, спрыгнул со ступенек и с зажатой сигаретой в зубах приближался выверенными шагами к очереди за таблетками. Протянули мосластую руку с зажигалкой, с ним здоровались и оказывали уважение, народ расступался, непонятливых он расталкивал широкими плечами, да и по сравнению с ними вообще выглядел великаном с выточенным лицом - точным воплощением маски скорби, в пуховике цвета хаки из-под рукавов которого торчала рыжая шерсть и толстые обветренные ладони, с кольцом плотно об-

хватившим мизинец. Пока он стоял с кем-то разговаривал, жуя фильтр, пуская дым настолько густой и свинцовый, что горечь чувствовалась во рту, мы могли рассматривать его, оставаясь незамеченными. Всегда неприятно встречаться с подобными типами взглядом, в них ненависть бывает осязаема и после идешь, как будто обдали ведром помоев. Витю заинтересовало:

«Это кто?», - «Кто?», - «Лысый мужик, который приехал», - «Гамаюн. Ты не знаешь кто такой Гамаюн? Военный вроде, его однажды ограбить хотели, он пьяный спал, а потом грабителей с асфальта соскребали, шесть человек», - «Здоровый бык».

Взяв серебряный матрас ампул Гамаюн исчез, за ним остальные начали разбредаться, кто по балкам, кто по баракам.

Наконец вышел Дёма и мы пошли гулять. Рассказал историю, как его жестоко обсчитали, и что скоро этот хват уволиться и найдет другое место. Сколько было до этого других мест и каждое – с его слов – прибыльнее предыдущего и, конечно, совсем немного ему остается до той самой изобильной вакансии, на которой он получит хорошую зарплату и раздаст долги. Дема был хронический должник. Мне, Вите и Соне в общей сложности он задолжал тысяч тридцать, полная сумма его долгов – тайна покрытая мраком.

В первом часу мы уже плевались от скуки с развалин ленинской шахты. Под аркой, внутри дуги осталась лепнина и

все, запорокинув головы, в десятый раз пересчитывали узорчатые квадратики.

«В общем, я хотел достать нам кое-чего, - начал Дёма, - но не вышло», - «Теперь ведь можно скинуться», - съязвила Соня, - «Разбить на четверых - копейки выйдут», - «Делать все равно нечего, ну, где взять твое кое-чего?», - «В аптеке, там таблетки есть как бы с экстрактом конопли», - «Какое говно, нам по пятнадцать лет что ли».

После Сониного вердикта приготавливаясь к долгой посиделке на холоде все спрятали лица в куртки. Мне было все равно, а вот Витя молчал, боялся, но обеими руками поддерживал нашего должника, потому что считал – разносторонний, эрудированный человек должен попробовать все. Сам мне говорил. Сидит вида не показывает, дым в глаза пускает, а руки то чешутся, возьми ты хоть раз инициативу в свои руки, думал я.

«А по сколько хоть скидываться?», - «Да недорого – по сотке, а там отщелкаем, что на всех хватит», - «Ну пойдемте, я за. Сонь, ты с нами?», - она выпустила струю задумчивого пара, - «Господи, я бы хотела сходить куда-нибудь или покурить, но нет, мы пойдем в аптеку, и в окружении бичей будем брать колеса», - Дёма довольный наклонился к ней, - «Звучит заманчиво, я это и предлагал». Ветер задул в другом направлении и нам открылось в какой тишине пребывает город. В такой же тишине мы спустились с арки и двинулись в лапы тех, кто скрасит нашу тоску и одиночество.

Череди граффити искрилась инеем на гаражах обитых железными листами, протяжная сцепка наподобие арабских иероглифов походила на заклинание. Дорога лежала с конца надписи, шутя, Дёма попытался прочесть ее, получилось жуткое бессвязное изречение. Гаражи кончались двуногим фонарным столбом от мясного магазина с неухоженной клумбой, в которой потрошили тушку бродячие собаки. Полицейская машина курсировала, предупреждая о своем приближении полудохлым хрипящим двигателем. На этой же улице была аптека.

Витя знал - жребий покупать выпадет ему, как тихоне и домоседу и, как обычно бывает, неумело сдерживал волнение: спрашивал, уточнял, отнекивался, старался не оглядываться. В окошке показалась женщина в белом халате, с Витиных слов, брезгливо оглядевшая незнакомого пацана, особенно в столь поздний час. Несмотря на все условия предрекавшие неудачу ему передали заветную коробочку, но радоваться было рано: уазик остановился вровень с аптекой, один вышел с автоматом, видимо таскал его для остротки, другой приблизился к Вите и начал осмотр. Мы перепугались, даже слово пикнуть друг другу не могли, никто не хотел проводить ночь в участке, особенно Соня, мать вряд ли удосужится приехать вовремя. Пока Витя показывал носки, выворачивал карманы, все тихо стояли, поглядывая на аптеку, кончилось ли, увезли его или нет. Ключи, телефон, кошелек, мелочь, таблетки, весь свой скромный скарб Витя дерз-

новенно держал на дрожавших ладонях. Менты погрузились в машину, а он остался и направился к нам, чем вызвал всеобщее ликование, по такому поводу Дема предложил по пиву, а вот мне показалось странным, что таблетки не вызвали никаких вопросов; изучив характер Вити я ждал сцены.

«Ну ты даешь, Витек, чего ты им наплел. Давай доставай пока рассказываешь», - накинулся Дема, - «Ребят в общем я не то купил, не знаю может пойдет», - это был обыкновенный нурофен, - «Нурофен. Витя, ты debil?», - «Эх, Витя, Витя, тебе мамкиных денег не жалко?». Красно-лиловая упаковка пошла по рукам, прошу прощения за излишнюю литературность, как ягнячье Витино сердечко, кровившее от колкостей, пущенных за проявление слабости.

«Пойду я, надеюсь, молния в одно место не ударит», - вызвался Дема, на этот раз все прошло гладко.

Летом стадион по обыкновению затянут ядовито-зеленым облаком пыли, с блуждающим загорелым дядькой, шумевшим на всю округу косилкой, а в преддверии зимы линяет, и сапогами снующих прохожих перемалывается в густую, зыбучую массу с заржавелыми тренажерами. На одном конце возле бетонных плит росли тополя. За ними швейная, в окнах которой ночные сменщицы сутки напролет стучали иголками.

Жмени нащелканных снарядов в желтой облатке по очереди отправлялись в рот. Становилось непредвиденно хорошо, в глазах рябило, настроение улучшалось; у всех кроме

Вити. Промашка не отпускала его, переживания стопорили прилив, я подозревал, что свою горсть он по-тихому сплюнул.

«Не переживай ты так, посмеялись и забыли, вообще хорошо, что ты нурофен купил, а то так бы хватить за задницу и в участок», - залез Дема на турник, успокаивая Витю, - «Я не об этом думаю», - «А о чем?», - отрешенно процедила Соня на лежаке для штанги, глядя в небо - «О военном», - «Чего, о каком военном?», - «Соня сказала его зовут Гамаюн. Высоченный как бабушкин шкаф, лапы огромные, в очереди стоял, я думал сейчас возьмет чью-то голову и раздавит как картошку», - «Я его тоже боюсь, - проговорила Соня. - Думаете много ему надо сожрать чтобы встало?» - «Такой неподобной туше, думаю, все что есть, - со спины Витя смотрелся безголовым, так как спрятал голову в ладони, - Его убил ты, Аид персами набив. Такой человек нуждается чтобы было кого переваривать, тогда он чувствует себя над всеми, тогда сознание сворачивается в ящик, бьется от стенке к стенке, как рыбка в аквариуме. Поплывешь прямо – аптека, налево – ларек пивной, направо – домик пластиковый, а на фоне клеенка с ракушками и кораллами».

Нашего философа прервал жуткий визг от которого и у меня внутри все перевернулось.

«Никогда не слышал что бы коты так орали», - «С таблеток таращит», - «Нет, это правда коты, мне мама рассказывала, что Гамаюн на котов охотится, то с ружьем, то с соба-

ками», - Соня решила нагнать жути и говорила шепотом, - «Он напивается до белой горячки, снимает с цепи ловчих огромных с вот такими зубами и кошачьи души загоняет в свой сундук!», - «Зачем?», - «Шубу шить для подружки».

Светало. Становилось совсем холодно, и мы потихоньку начали расходиться. Дорога от стадиона к дому пролегла через бараки, земля под ними проваливалась, доски из-за этого надувались, второй этаж норовил грохнуться, когда крыши присыпет снегом. Временно жильцов спасали балки, установленные под разбухшими стенами. Внезапно пришлось, что где-то здесь, среди старых домишек живет тот самый вояка. Жутики про кошачьи души и подобную дурь на меня не действовали, с малых лет я знал кого надо бояться и миг осознания, конечно, был связан с человеком с ружьем, ножом, оскаленного, пьяного и т.п. Однако невольно, когда отдаляешься от города, и с двух сторон вырастают, то густые, почти мистические насаждения борщевика или боярышника или барбариса, то полупустые развалины, сектор человека смешивается с любыми мыслимыми страшилками, и вот ты ждешь трехметрового персонажа меж ветвей или вывернутого на четвереньки существа, перебегающего из кустов. Тогда лежа в постели и дыша через нос, чтобы успокоиться, я понимал, что зря углубился в рассуждения о природе страха, проходя самые неподходящие для этого места. Не знаю уж как долго, но параллельно мне, под стенами своего обиталища шел Гамаюн. Может это и вовсе не он был, и перекинутую

через плечо он нес палку, а не винтовку, и по земле он тащил не мешок, темнеющий от пятен пушистой крови, а добрый запас свеклы на самый вкусный на свете борщ. Дядюшка Гамаюн, прямо как дед Мазай. Но мне захотелось ускориться. Перешел на шаг только, когда закрыл дверь квартиры на три оборота. Скинул брюки, прыгнул под одеяло, долго ворочался, и под самое утро заснул. Проснулся в два замороженный, с мерзким ощущением мокрой от пота постели. На скорость умывался, пил липкий чай, стараясь успеть на последнюю пару.

На бух учете я наконец разделался со счетами, сдал практики, вырвав у преподши свою тройку и направился вместе с Демой за угол уличного сортира покурить.

«Мне за практики платить нечем», - проговорил Дема, - «Сперва верни долг», - «И на новый год отложенных нет», - «Долг – мне и Соне. Ну и козел ты, Дема», - «Я бы отдал кому-нибудь, но не всем же сразу, а жрать я на что буду, ты не подумал?», - «Зато ты подумал», - «А если я скажу – да, и тебе даже перепадет с этого?»

Ему стало известно, что в бараках играют на деньги. Простые мужички с выбитыми носами и куполами на всю спину режутся по вечерам в картишки, и почему бы двум соплякам не обобрать их до нитки, а потом встать из-за стола и преспокойненько уйти.

«Ну подожди ты! Послушай хоть сколько оттуда выносят!», - он догнал меня, зацепился за край куртки, подстра-

ивая шаг, - «На прошлой неделе оттуда мужик выполз в хламину, его приняли. Думали, притон – проверяли есть с собой чего или нет; Пока протокол заполнили, бумажки разные. Короче. Полтинник, как тебе?», - «А с чего ты взял, что он эти деньги выиграл?», - «Нам же лучше если не выиграл, значит, ставки низкие, значит терять нечего. Не в плюсе так хотя бы в ноль выйдем», - «Не верится, что ты ежеминутно все вернешь», - «Клянусь, до копейки!».

Подорвавшись с постели, я сожалением обнаружил, что целый день проспавать не удалось. Это все еще сегодня. Может он забыл? Не трогая выключатель, я подобрался к окну и легонько приоткрыл шторы. Дема топтался по свежевыпавшему снегу и ждал меня. Придется идти. По дороге мы не разговаривали, мне было страшно, и ему, я чувствовал, тоже, но все же назад мы не повернули. Откровенно сказать нам просто перехватило дыхание от предстоящей картины, даже если выпрут, даже если проиграем, что-то происходило в отрыве от учебы, вымученной как работа, за которую не платят деньги и самой работы на которой, конечно платят, но кроссовки я не менял уже года четыре, а то и больше. Мне вспомнились слова Сони на последней прогулке - когда мы действительно куда-то выбирались? И чтобы там не было картонных рож, а все по-настоящему, по нашей личной нужде хорошо провести время, а те по своей нужде скрасить нам это время снимали кино, писали музыку, не «в вечность» - в очко ее – и не для самоутверждения, а для того кому ин-

тересно. Я жил рядом с мертвыми хорошими музыкантами и живыми уголовниками и наркоманами. И я хотел жить, а не засохнуть на ступеньках софийского монастыря и спать среди статуй.

На подходе к дому, от которого я еще недавно улепетывал со всех ног на Дему нахлынули воспоминания. Перед смертью не надышишься. Он спросил, помню ли я счастливые моменты детства и в голову стали приходить дурацкая новогодняя елка, колесо обозрения, речка, пускай даже дымящая гора раков на подносе – бесцветные фотокарточки. Я помню все, и меня от этого тошнит.

Распознать нужную квартиру было нетрудно – второй этаж, окошко откуда валят из магнитофона блатные песни. На балконе, выпятив на холодок костлявые плечи в наколках, кто-то курил. Мы посчитали это отличным моментом навязаться в гости. Два кристально серых глаза нас приметили.

«Мы слышали, тут в карты играют, можно с вами?» - прокричал Дема, с балкона послышалось, - «Чего выключи музыку, ниче не слышу».

Секунду назад тишину бедного района заглушало: «Нары, нары мама, мама», а теперь свистел ветер, шел снег, в общем, все приняло ясные очертания и страх тоже.

«Че хотели?», - «Можно кампанию составить, в карты сыграть?», - «А играть на че будете?», - мы переглянулись, как два клоуна-идиота до которых не доходило, почему над ними

смеются, - «У нас все с собой», - «Ну вот купите на них карты и идите на хер!», - брошенный бычок, оставил гадкий желтый след на снегу. И вот только он упал, послышался голос, - «Успокойся, Серый. Кто там сыграть хотел?», - голос глубокий, обволакивающий, и тот, кто говорил, умело им пользовался, заявлял о себе, откручивая одно за другим слова, как гайки, - «Ну так, говорите, есть на что играть?», - мы ответили, и поначалу не разобрали, что там решили наверху, потому что тень от стекла закрывала лицо и массу, втрое больше общипанных крылышек того в наколках, - «Ребят, ну скучно без музыки», - появилась тетка крикливая, с растрепанными волосенками красного цвета которую Гамаюн – несомненно в тени стоял он - прихватил за шею, - «Залетайте, мужики – открыто», - сказал он и хлопнул балконной дверью.

Дом давно просел. Бревна выползли, расколов побелку, напоминая ребра, просвечивающие под майкой. На покраску жилого мертвеца выделили – по виду лет десять назад - две банки с пестрым содержимым: бирюзовым выкрасили резные колышки перил и плинтус, оранжевым в трещинах – нижнюю половину стен. В квартире под лестницей заплакали или засмеялись – не разобрать, потом побелка припорошила волосы, женский голос заунывно пел.

«Кошачьи души», - хихикнул Дема.

Обитаемой казалась квартира с щелкой для гостей, мы зашли. Внутри было грязно.

«В сапогах проходите – грязно!», - крикнули из глубины

жилища.

Пыль въелась в обои, на полу виднелись отпечатки подошв и запах стоял сладковато убийственный: коктейль из застоявшегося дыма, спирта, женских духов и пота. Притом жилище на редкость пустое, потолки высокие, комнаты большие, ковра затасканного и того - ни на полу, ни на стенах. Гадюшник, сказал я Деме и увидел, как после просьбы не разуваться он почтенно снимает обувь и отставляет в угол. Сказал, мол, так не может – в дом и в обуви и тут же вляпался в лужу. На кухне нас уже высматривала дюжина пьяных лиц в сигаретном чаду, перегаре - с уличной свежести в нос так и било. Дико и безотчетно глазели, замутненными шарами колясочник и татуированный и их бабье. Колясочник держал на плече сонную бабу с блестящими розовыми губами, в руке карты; кроме него которому было плевать на все вокруг - он снисходил только чтобы наколоть шпротину и опрокинуть стопку – остальные, с накатывающим к горлу матом, понимали, что с нас нечего взять. Кроме колясочника и еще одного. Тогда без обманчивого расстояния, без игры теней я встретил его первый раз во всем бесчеловечии. Другое слово на ум не приходит, - словно попали мы под зеленый прожектор, в калейдоскоп с изумрудами и драгоценными камнями, в лапы подгорного короля. Лбом, наклоненным к бутылке, до зеркальности отполированного, с перстнем на толстом мизинце. Такой нелюдь он был. А невооруженным глазом простой мужик, выбритый до синевы, с необычной

синей кляксой наколотой на брюхе не кит, не змея, другая дрянь, ну и здоровый, что с ним одним на кухне тесниться пришлось бы, а тут еще люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.